

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ LXXXI

1900

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЗРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1900

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

ІЮЛЬ, 1900

Антуан Бодуэн Гисбер Ван Дедем ван де
Гильдер

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

Воспоминанія генерала ванъ-Дедема о кампаніяхъ 1812 и 1813 г.¹⁾

МЕМОАРЫ Дедема составляютъ выдающееся явленіе въ той массѣ воспоминаній о временахъ революціи, консульства и имперіи, которыя наводняютъ въ послѣдніе годы французскую литературу. Родомъ голландецъ, баронъ Антоній ванъ-Дедемъ, послѣ присоединенія своей родины къ Франціи, служилъ въ Наполеоновской арміи бригаднымъ генераломъ и принялъ значительное участіе въ кампаніяхъ 1812 и 1813 годовъ, а потому относящіяся къ

этой эпохѣ страницы его мемуаровъ наиболее для насъ интересны, хотя онъ очень картинно и рельефно описываетъ свое пребываніе съ отцомъ въ Турціи и дипломатическія миссіи, возложенныя на него голландскимъ правительствомъ при различныхъ европейскихъ дворахъ. Повидимому, это былъ храбрый воинъ, энергичный администраторъ и ловкій дипломатъ, а главное честный, прямой и правдивый человѣкъ, что помѣшало ему сдѣлать блестящую карьеру при Наполеоновскомъ дворѣ, подобно большинству его товарищей по оружію менѣе способныхъ, но болѣе хитрыхъ, чѣмъ этотъ гордый, добросовѣстный голландецъ. Его личныя качества проглядываютъ въ каждой страницѣ его воспоминаній, которыя отличаются замѣчательнымъ безпристрастіемъ, стремленіемъ къ правдѣ и справедливости, часто рѣзкими отзывами о маршалахъ, самомъ Наполеонѣ и

¹⁾ Mémoires du general baron de Dedem. Paris. 1900.

государственных дѣятеляхъ, съ которыми онъ имѣлъ дѣло. Если мы прибавимъ къ этому, что они написаны живымъ, образнымъ языкомъ и сообщаютъ много новыхъ неизвѣстныхъ подробностей насчетъ важныхъ историческихъ фактовъ, то мы достаточно охарактеризуемъ значеніе мемуаровъ Дедема, которые достойны занять видное мѣсто среди воспоминаній его современниковъ, обыкновенно страдающихъ самовосхваленіемъ и пристрастіемъ. Конечно, мы приведемъ наиболѣе интересныя для насъ русскіихъ свѣдѣнія, которыя сообщаетъ голландскій баронъ о томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ въ Россіи и Германіи во время борьбы этихъ странъ съ Наполеономъ въ послѣднюю эпоху его безконечныхъ войнъ. Но для того, чтобы рельефнѣе обрисовать личность автора, мы бѣглыми штрихами набросаемъ краткій очеркъ его прежней и послѣдующей жизни.

Баронъ Антоній ванъ-Дедемъ родился 23 августа 1773 года, въ семейномъ замкѣ Гельдеръ, въ голландской провинціи Оверъ-Эйссель и принадлежалъ по своимъ родителямъ къ древнимъ аристократическимъ родамъ Голландіи. Десяти лѣтъ онъ отправился въ Константинополь съ отцомъ, который занималъ тамъ постъ нидерландскаго посланника впродолженіе двадцати семи лѣтъ. Получивъ воспитаніе дома, онъ практически готовился къ дипломатической службѣ въ канцеляріяхъ своего отца и другихъ посланниковъ, въ особенности французскаго графа Шуазель-Гуфье, англійскаго, сэра Роберта Энсли, и русскаго, Булгакова, которые очень любили его и доставляли ему всѣ средства къ умственному развитію. Чувство благодарности къ нимъ, однако, не мѣшаетъ ему безпристрастно характеризовать ихъ въ своихъ мемуарахъ. Первый изъ нихъ, по его словамъ, былъ легкомысленнымъ, свѣтскимъ франтомъ, увлекательнымъ рассказчикомъ и поверхностнымъ любителемъ искусства, подписывавшимъ свое имя подъ картинами, литературными произведеніями и антикварными трудами окружавшихъ его художниковъ, писателей и ученыхъ. Его злѣйшій противникъ, представитель Англіи, былъ человѣкъ болѣе знающій и основательный, но онъ обнаруживалъ странную въ англичанинѣ страсть къ болтовнѣ, такъ что никому не давалъ говорить въ общемъ разговорѣ и часто завирался. Но онъ серьезно любилъ искусство и науку, собралъ прекрасную коллекцію медалей и великолѣпно издалъ почтенный трудъ Мейера о Египтѣ и Сиріи. Оба эти посланника соперничали между собою не только въ политикѣ, но и въ блестящихъ праздникахъ, которыми они удивляли Константинополь. Что касается до Булгакова, то Дедемъ отзывался о немъ, какъ о человѣкѣ безспорно способномъ, но обходившемся съ турками гордо, надменно, что привело къ его заточенію въ Семибашенномъ замкѣ при объявленіи Турціей войны Россіи. Вспоминая о немъ съ благодарностью за его любезное обращеніе, авторъ мемуаровъ упоминаетъ, что Булгаковъ позволялъ состоявшему при русскомъ посольствѣ

швейцарскому живописцу, Меллингу, давать ему уроки рисованія и даже предложилъ взять его съ собою въ Крымъ, куда онъ ѣздилъ во время знаменитаго посѣщенія этой мѣстности Екатериной II, на что, однако, не согласился отецъ мальчика. Послѣ заключенія мира 1791 года, представителемъ Россіи въ Константинополь былъ повѣренный въ дѣлахъ, Хвостовъ, «умный, просвѣщенный человекъ и злѣйшій врагъ французской революціи», а затѣмъ посоль Кутузовъ, будущій фельдмаршалъ, «отличавшійся умомъ, благоразуміемъ и осторожностью».

Пристрастившись къ древней исторіи и къ археологіи, юный Дедевъ совершилъ нѣсколько путешествій по Греціи, Малой Азіи и Египту, гдѣ древности историческія и художественныя наиболее обратили на себя его вниманіе. Наконецъ, въ 1793 году, онъ вернулся на родину, гдѣ произошла революція, и тутъ въ его мемуарахъ является пропускъ до 1808 года, но издательница ихъ Елизавета Лэки, урожденная баронесса ванъ-Дедевъ въ предисловіи и въ примѣчаніяхъ кратко рассказываетъ его дѣятельность за это время. Онъ сначала былъ депутатомъ въ Нидерландскихъ генеральныхъ штатахъ и принадлежалъ къ умѣренно либеральной партіи, а потомъ состоялъ посланникомъ въ Швеціи и Парижѣ, хотя ему было только 23 года. Когда въ 1799 году англо-русскія силы высадились въ Голландіи съ цѣлью вырвать ее изъ-подъ господства французской республики, Дедевъ поступилъ въ военную службу, о чемъ онъ всегда мечталъ, и сдѣлался штабнымъ офицеромъ при генералѣ Дендельсѣ. Франко-голландская армія подъ начальствомъ французскаго генерала Брюна нанесла поражение союзникамъ подъ предводительствомъ герцога Юркскаго при Бергенѣ, но Дедевъ, подъ которымъ убита была лошадь, попался въ плѣнъ къ англичанамъ, которые едва согласились на размѣнъ плѣнниковъ. Вернувшись на родину, Дедевъ принялъ участіе въ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ, которыя привели къ капитуляціи герцога Юркскаго. Затѣмъ онъ былъ посланъ въ Англію въ качествѣ генеральнаго комиссара для размѣна плѣнныхъ. На обратномъ пути онъ заѣхалъ въ Парижъ, и тамъ первый консулъ предлагалъ ему отправиться въ Турцію представителемъ Франціи, но онъ отказался, такъ какъ ему хотѣли поручить вести двойные переговоры съ Портой и возставшимъ противъ нея Пасваномъ-Оглу. Онъ предпочелъ быть нидерландскимъ посланникомъ въ Виртембергѣ, Этрурїи и Берлинѣ. Въ 1806 году Наполеонъ превратилъ Батавскую республику въ королевство для своего брата Людовика, который сдѣлалъ Дедема первымъ камергеромъ своего двора. Но прямота и откровенность этого страннаго царедворца недолго нравились капризному, недовѣрчивому королю, хотя онъ говорилъ: «Если я хочу узнать правду, то обращаюсь къ своему республиканцу Дедему». Вскорѣ онъ удалилъ его въ почетную ссылку, назначивъ

посланникомъ сначала къ королю вестфальскому, а затѣмъ къ королю неаполитанскому. Первымъ былъ братъ Наполеона Жеромъ, котораго Дедемъ очень рельефно очерчиваетъ словами: «Это былъ настоящій Бонапартъ. Умный, плохо воспитанный, упрямый, своевольный; онъ легко схватывалъ всѣ стороны дѣла, которымъ хотѣлъ заняться, но рѣдко хотѣлъ онъ чѣмъ нибудь заняться по причинѣ своей естественной лѣни. Онъ любилъ блескъ и удовольствія. Слостолюбивый, развратный, онъ бросалъ деньги изъ хвастовства и окружилъ себя дворомъ разгульнымъ, полнымъ интригъ». Естественно, что скромному, благоразумному голландцу не по сердцу было въ такой средѣ, и онъ съ удовольствіемъ перешелъ въ Неаполь, хотя тамошній король Мюратъ, женатый на сестрѣ Наполеона, также не былъ приятной, симпатичной личностью. Гасконецъ въ душѣ, гордый, легкомысленный, вспыльчивый, мстительный, онъ былъ безумно храбрымъ воиномъ, но не администраторомъ, хотя, по словамъ Дедема, онъ заботился о своемъ государствѣ болѣе, чѣмъ всѣ его предшественники, и ему Неаполь обязанъ судебной и финансовой реформами, а также проведеніемъ широкихъ улицъ и постройкой красивыхъ казенныхъ зданій.

Новая метаморфоза Голландіи по капризу Наполеона, который присоединилъ ее въ 1810 году къ Франціи, заставила Дедема покинуть Неаполь. Онъ отправился въ Парижъ и, представившись императору, откровенно сказалъ ему, что готовъ былъ бы отстаивать независимость родины до послѣдней капли крови, но такъ какъ ея присоединеніе къ Франціи совершившійся фактъ, то онъ согласенъ вѣрно служить Франціи. Сначала Наполеонъ разсердился и воскликнулъ: «Значить, вы дурной французъ». Но потомъ онъ успокоился, сказалъ, что Дедемъ всегда давалъ добрые совѣты его брату Людовику, и поручилъ ему составить списокъ способныхъ и достойныхъ голландцевъ для перевода ихъ на французскую службу. Всѣ рекомендаціи Дедема были уважены, и первымъ состоялось назначеніе его отца сенаторомъ и графомъ. Что же касается его самого, то Наполеонъ хотѣлъ сдѣлать его членомъ государственнаго совѣта, но онъ отказался и предпочелъ поступить въ военную службу бригаднымъ генераломъ. Отказавшись отъ предложенія быть военнымъ и гражданскимъ губернаторомъ одной изъ голландскихъ провинцій, такъ какъ онъ не желалъ принимать крутыхъ мѣръ противъ своихъ соотечественниковъ, Дедемъ получилъ бригаду подъ начальствомъ маршала Давъ въ Гамбургѣ.

Тогда же готовился походъ въ Россію, о которомъ голландскій генералъ очень своеобразно отзывался, говоря: «отыскивая всевозможныя средства, чтобы занять французозъ, и не зная, что придумать, Наполеонъ перешелъ изъ горячки въ паучку и предпринялъ походъ на Россію». Находясь въ Гамбургѣ, Дедемъ по порученію Наполеона сообщалъ ему черезъ герцога Бассано всѣ

полезныя свѣдѣнія, которыя онъ могъ собрать, благодаря своимъ старымъ политическимъ связямъ въ Германіи. Съ обычною прямою и откровенностью онъ писалъ, что Германія готова возстать за свою независимость, и только ея трусливые государи удерживали общее возстаніе противъ Франціи, что въ случаѣ неудачи похода въ Россію нѣмцы отрѣжутъ отступленіе французамъ, и что наконецъ Россія рѣшила заманить французовъ внутрь страны, съечь все на ихъ пути и такимъ образомъ довести ихъ до голодной смерти и окончательной гибели. Императоръ не былъ доволенъ этими печальными предсказаніями, но герцогъ Бассано сказалъ Дедему въ Варшавѣ, спустя 18 мѣсяцевъ: «Вы напророчили намъ несчастіе!».

Такъ же искренно отзывается онъ о жестокихъ притѣсненіяхъ, которымъ подвергали французы нѣмцевъ, но при этомъ свидѣтельствуеть, что маршалъ Даву, управляя вѣренными ему странами желѣзной рукой, былъ строгъ, но всегда справедливъ, поддерживалъ дисциплину въ арміи до такой степени, что растрѣлялъ одного солдата за отнятіе у бѣдной женщины горшка съ масломъ, и взимая громадныя контрибуціи съ туземцевъ, даже захватывая деньги въ Гамбургскомъ банкѣ, онъ не бралъ себѣ ни гроша, а всѣ награбленныя суммы посвящалъ на содержаніе арміи. Что касается до этой арміи, то Дедемъ выражается очень сочувственно, но своеобразно: «Въ одномъ изъ полковъ моей бригады находилось 1.500 солдатъ, которыхъ можно было произвести въ унтеръ-офицеры, а изъ нихъ 700 знали три правила ариметики, десятичный счетъ и первые элементы фортификаціи; 300 же могли поступить секретарями въ любую канцелярію. Нельзя не пожалѣть о потерѣ такихъ людей, благодаря безумію Наполеона и непредусмотрительности главнаго штаба, которыя скорѣе погубили французскую армію, чѣмъ морозъ».

Еще оригинальнѣе взглядъ голландскаго барона на прусскаго короля, котораго обыкновенно обвиняютъ въ двуличности и слабохарактерности. Напротивъ Дедемъ увѣряеть, что онъ хорошо его зналъ и можетъ поручиться, что у него была благородная, открытая натура. Его доброе сердце скорѣло отъ того, что французы проходили черезъ Пруссію, какъ черезъ страну не союзную, а непріятельскую, а все-таки, прибавляетъ Дедемъ, «пруссійскій король не переставалъ, по благородству своей души, давать Наполеону благіе совѣты и оказывать ему значительную помощь, въ надеждѣ, что наконецъ Наполеонъ, сознавъ настоящіе интересы Франціи и Европы, увеличитъ Пруссію».

Наконецъ жребій былъ брошенъ, и Наполеонъ перешелъ черезъ Нѣманъ. «Трудно себѣ представить болѣе поразительную картину», говоритъ Дедемъ, «чѣмъ та, которая развернулась передъ нами, когда 600.000 человекъ расположились у подножія холма, гдѣ Напо-

леонъ разбилъ свою палатку. Съ этой высоты онъ могъ обнять взглядомъ всю свою армію и Нѣманъ, съ перекинутыми черезъ него мостами. И случайно могъ полюбоваться этой картиной. Дивизія Фріана, въ которую входила моя бригада, должна была составить авангардъ, но она ночью заблудилась и пришла на берегъ, когда вся армія уже была выстроена. Увидавъ наше появленіе, императоръ подозвалъ къ себѣ Фріана и далъ приказаніе. Пока дивизія ждала своего начальника, я приблизился къ группѣ генераловъ, принадлежавшихъ къ главной квартирѣ императора. Среди нихъ царило мертвое молчаніе, походившее на мрачное отчаяніе. Я позволялъ себѣ сказать какую-то шутку, но генераль Коленкуръ, братъ оберъ-шталмейстера и впоследствии убитый при Вородинѣ, сказалъ мнѣ жестомъ: «Здѣсь не смѣются; это великій день». Выбѣствъ съ тѣмъ, онъ указалъ рукою на противоположный берегъ, какъ бы желая прибавить: «тамъ наша могила».

Переговоривъ съ Наполеономъ, генераль Фріанъ вернулся къ своей дивизіи, и она первая перешла черезъ Нѣманъ. Очутившись на другомъ берегу, солдаты огласили воздухъ радостными криками; но, по словамъ добросовѣстнаго голландца, «нихъ вызвалъ не патриотическій пылъ, а надежда, что въ неприятельской странѣ офицеры не будутъ ихъ болѣе сдерживать отъ грабежа». Дѣйствительно гвардія, занявъ Ковно, безжалостно ограбила всѣ лавки и дома частныхъ лицъ, несмотря на присутствіе въ городѣ императора. Однако такое поведеніе французовъ не уменьшило энтузіазма мѣстныхъ поляковъ, и они устроили Наполеону торжественную встрѣчу въ Вильно, но ему казалось недостаточно та помощь, которую они могли оказать великой арміи, и произнесенная имъ рѣчь къ польской депутаціи подала слабую надежду на установленіе польской независимости. «Даже эта рѣчь не была двусмысленной», замѣчаетъ Дедець, «она ясно говорила тѣмъ, которые были ближе знакомы съ положеніемъ дѣлъ, что, если Александръ преклонится передъ великимъ монархомъ и согласится на примѣненіе континентальной системы, то не будетъ и рѣчи о возстановленіи Польши. Я полагаю даже, что Наполеонъ подъ этими условіями согласился бы на расчлененіе Турціи и помогъ бы Россіи въ этомъ дѣлѣ. Что же касается до поляковъ, то онъ прямо говорилъ имъ: «Пользуйтесь обстоятельствомъ и старайтесь завоевать свою независимость, пока я нахожусь въ борьбѣ съ Россіей. Если вы создадите свое государство, то я распространю на него условія мира, но я не могу проливать французской крови за васъ. Если же императоръ Александръ ранѣе предложитъ мнѣ миръ на благоразумныхъ основаніяхъ, то я буду вынужденъ отказаться отъ васъ». Этотъ отвѣтъ, удивительно откровенный со стороны завоевателя, былъ потомъ измѣненъ министрами и лицами, окружавшими Наполеона, но поляки наирасно вѣрили словамъ лицъ, не уполномоченныхъ. Они должны

были руководствоваться подлинными словами императора, и они не имѣли никакого права жаловаться потомъ, что онъ обманулъ ихъ ложными обѣщаніями. Миѣ передавалъ одинъ изъ польскихъ делегатовъ, что Наполеонъ даже сказалъ имъ: «Я вижу, что ваши средства скудны, и совѣтую вамъ не компрометировать себя въ глазахъ русскаго императора; съ минуты на минуту я могу заключить съ нимъ миръ». Не разъ я видалъ, что посланники не вѣрили Наполеону, когда онъ говорилъ имъ рѣзкую правду и откровенно высказывалъ имъ свои намѣренія, а ослѣпляли себя химерическими надеждами, которыми утѣшали ихъ министры».

Не только этотъ новый взглядъ на отношенія Наполеона къ полякамъ доказываетъ все безпристрастіе мемуаровъ голландца, но его подтверждаетъ и отзывъ Дедема о прокламаціи императора Александра, которая, по его словамъ, дышала не меньшей силой, чѣмъ прокламація Наполеона, но опиралась на разумъ и справедливость. Столь же добросовѣстнo онъ относится и къ самому себѣ, говоря прямо, что онъ не входитъ въ своею разсказъ о кампаніи 1812 и 1813 годовъ въ техническія военныя подробности, такъ какъ это уже сдѣлано болѣе компетентными лицами, имѣвшими возможность оцѣнить военныя дѣйствія съ болѣе широкой точки зрѣнія, а его кругозоръ ограничивался лишь дѣйствіями его бригады.

Эта бригада шла въ авангардѣ, которымъ командовалъ Мюратъ, и Дедемъ зная, какъ онъ мало берегъ свои войска, съ грустью разстался съ Даву, который изъ всѣхъ маршаловъ наиболѣе заботился о своихъ солдатахъ, офицерахъ и генералахъ. Конечно, передовымъ французскимъ войскамъ было обиднѣе, чѣмъ всей остальной арміи, видѣть постоянное отступленіе русскихъ; но, по словамъ Дедема, «это мастерское отступленіе не могло не возбуждать восторга». Напримѣръ, вечеромъ передъ глазами французовъ ясно тянулася линия русской арміи, а на разсвѣтъ не было видно ея слѣдовъ, даже не оказывалось ни одной павшей лошади, брошенной телѣги или отставшаго солдата. Со своей обычной искренностью Дедемъ громко восторгался подобнымъ поведеніемъ русскихъ, а его товарищи недовольнымъ тономъ увѣрили, что они не могутъ оцѣнить отступленія, такъ какъ подобнаго слова нѣтъ на французскомъ языкѣ. «Однако я, замѣчаетъ голландецъ, выражалъ надежду, чтобы наше отступленіе, когда пробьетъ его часъ, было столь же прекрасно. Наполеону доложили о моихъ словахъ, и онъ былъ ими очень недоволенъ». Несмотря на то, что Дедема начали считать безпкойнымъ человѣкомъ, онъ не измѣнилъ своей искренности и наотрѣзъ отказался исполнить приказаніе начальника дивизіи Фріана насчетъ составленія фальшиваго отчета о положеніи его бригады. Конечно, этотъ отказъ не помѣшалъ представленію императору фальшиваго отчета, въ которомъ между прочимъ говорилось, что въ дивизіи Фріана было продовольствія на 14 дней, тогда какъ его вовсе не остава-

лось, и приходилось посылать фуражировъ по деревнямъ для добычи провіанта. «Если что нибудь можетъ извинить Наполеона, замѣчаетъ Дедема, то это система обмана, которою онъ былъ окруженъ».

Въ Витебскѣ Наполеонъ уже ожидалъ получить предложеніе о мирѣ со стороны русскихъ и, обманувшись въ своемъ ожиданіи, созвалъ военный совѣтъ, на которомъ обсуждался вопросъ—йти на Петербургъ, или на Москву, или остановиться и организовать Польшу. По словамъ Дедема, «была сдѣлана попытка вступить въ сношенія съ казаками, которымъ предлагали учредить независимое государство, но они отвѣчали, повидимому, очень смутно, уклончиво и неблагопріятно. Казаки не были убѣждены въ успѣхѣ Наполеона и въ томъ, что въ случаѣ успѣха господство Наполеона не будетъ тяжелѣе русскаго». «Но, прибавляетъ Дедема, народъ въ окрестностяхъ Витебска открыто выражалъ революціонныя стремленія. Окрестные помѣщики осаждали французскаго губернатора Витебска, генерала Шарпантье, просьбами защитить ихъ отъ поселянъ, которые прибѣгали относительно ихъ къ грабежу и насилію. И убѣжденъ, что Наполеонъ могъ возбудить общее возстаніе въ русскихъ провинціяхъ, еслибы онъ провозгласилъ свободу крѣпостныхъ, которые этого желали и ждали, но онъ былъ тогда не генераломъ Бонапарте, начальникомъ республиканской арміи, а императоромъ, который долженъ былъ заботиться объ укрѣпленіи во Франціи монархическаго начала, а слѣдовательно не могъ проповѣдывать революцію въ Россіи. На этомъ основаніи вполнѣ несправедливы всѣ рассказы объ его намѣреніи возбудить русскихъ поселянъ къ возстанію, о чемъ будто бы имъ были составлены прокламаціи».

Хотя Наполеонъ рѣшилъ идти на Смоленскъ, но ему было хорошо извѣстно, что многіе опытные офицеры въ виду безпорядковъ, уже обнаруживающихся въ арміи по части продовольствія и дисциплины, отчаивались въ успѣхѣ безумной экспедиціи. Такъ, состоявшій подъ начальствомъ Дедема, полковникъ Пушелонъ, командиръ пѣхотнаго полка и какъ мужъ полки, знавшій мѣстныя условія, прямо объявилъ своему бригадному генералу въ Витебскѣ: «Я отсылаю весь свой багажъ, армія погибла». Дѣйствительно симптомы ея разложенія ежедневно увеличивались, и даже умножались примѣры дезертирства. Особенно въ послѣднемъ отношеніи отличались испанцы, которымъ русскіе неизвѣстно какимъ образомъ дали знать, что если они дезертируютъ, то ихъ даромъ перешлютъ на родину. Благодаря этому обѣщанію, по словамъ ихъ начальника полковника Шуди, пріятели Дедема, ихъ нельзя было ставить часовыми на аванпосты, такъ какъ они при первой возможности обращались въ бѣгство.

Въ кровопролитномъ боѣ подъ Смоленскомъ, Дедема получилъ контузію въ грудь, но онъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ, какъ провелъ ночь на Смоленской площади, лежа на роскошномъ диванѣ

и объѣдаясь ананасами и персиками, такъ какъ всё дома были сожжены русскими при ихъ отступленіи изъ города. «Отъ Наполеона зависѣло, говоритъ онъ, окончить кампанію въ Смоленскѣ и возстановить Польское королевство въ полномъ его составѣ, за что Европа сказала бы ему спасибо. Говорить, враги наши этого ожидали, и англійскій генераль Вильсонъ, состоявшій при русской главной квартирѣ, писалъ въ Лондонъ: «Все погибло: Смоленскъ взятъ»; а, спусти два дня, онъ послалъ съ курьеромъ новую депешу: «Все спасено; французы идутъ на Москву». Такимъ образомъ императоръ не сумѣлъ остановиться въ Смоленскѣ. А благоразуміе этого требовало, такъ какъ тогда можно было помѣнать Портѣ заключить миръ съ Россією, реорганизовать нашу армію, которая много терпѣла отъ недостатка продовольствія, и подготовить къ веснѣ новую кампанію, которая покончила бы съ Россією. Подобныя дѣйствія сильно повліяли бы на Германію, которая не подумала бы возстать противъ французскаго ига, какъ бы оно ни было тяжело. Но Наполеонъ не умѣлъ ни вести переговоровъ, ни благоразумно медлить. Онъ надменно вѣрилъ въ свою звѣзду, а его министры не смѣли ему возражать».

Вообще Дедемъ считаетъ, что вся кампанія 1812 года была длиннымъ рядомъ ошибокъ со стороны Наполеона. Картинно описывая Бородинскую битву, онъ и въ ней указываетъ на ошибки великаго полководца. За два дня Наполеонъ осматрѣлъ поле предстоявшей битвы, и Дедемъ самъ слышалъ, какъ онъ, обозрѣвая въ зрительную трубу русскую позицію, разсуждалъ самъ съ собою: «Большая битва... Много народу... много, много убитыхъ!». Потомъ, обернувшись къ сопровождавшему его Бертю, онъ прибавилъ: «Битва наша». «Въ самый день сраженія въ 4 часа утра, разсказываетъ Дедемъ, войска были уже выстроены на позиціи, и бой начался. Проѣзжая мимо моей бригады, императоръ остановился, и солдаты просили его разрѣшенія начать бой, такъ какъ въ другихъ мѣстахъ слышалась пальба. Онъ отвѣчалъ: «Такіе полки идутъ въ огонь только, чтобы рѣшить побѣду». Съ этими словами онъ отправился на развалины большого редута, взятаго французами, и тамъ оставался во все время битвы, получая донесенія со всѣхъ сторонъ, но, повидимому, онъ съ одинаковымъ равнодушіемъ узнавалъ объ успѣхахъ своихъ войскъ и враговъ. Онъ держалъ въ рукахъ портретъ римскаго короля, присланный ему императрицей, и, играя имъ, часто повторялъ: «Надо посмотрѣть, каковъ онъ будетъ въ двадцать пять лѣтъ». За нимъ видѣлась масса императорской гвардіи въ тридцать шесть тысячъ человѣкъ. Она потѣшалась музыкой, когда остальная армія билась на смерть, чтобы вырвать у неприятеля побѣду. Тщетно маршалъ Ней умолялъ императора двинуть хоть молодую гвардію, когда русскіе начали отступать. Благодаря такому движенію, по всей вѣроятности,

мы взяли бы въ плѣнъ пятнадцать или двадцать тысячъ русскихъ, которые направились на Калужскую дорогу. Они одолжены своимъ спасеніемъ бездѣйствію гвардіи и нерѣшительности Наполеона. Онъ надменно принялъ взятаго въ плѣнъ русскаго генерала, который хотя былъ пьянъ, но отвѣчалъ императору съ большимъ достоинствомъ. Никогда Наполеонъ не былъ менѣ великъ, какъ въ этотъ день. Къ семи часамъ смерть унесла много жертвъ и въ томъ числѣ нѣсколько генераловъ. Тогда императоръ лично приказалъ мнѣ двинуться направо, а затѣмъ насъ направили на непріятельскій центръ, чтобы прикрыть Семеновское село, переходившее нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки. Хотя неаполитанскій король въ своемъ доносеніи утверждаетъ, что моя бригада стояла въ резервѣ, но она пять разъ отбивала непріятельскую атаку и три часа стояла подъ огнемъ ядеръ и картечи. Подъѣхавъ къ намъ, маршалъ Ней громко спросилъ у меня: «Какой дуракъ поставилъ васъ здѣсь?» а потомъ, обращаясь къ Мюрату, воскликнулъ: «Король неаполитанскій, отчего вы не атакуете со своей кавалеріей, или отчего вы не пошлете впередъ пѣхоту, если ужъ ей надо умирать?!». Дѣйствительно въ одномъ 33-мъ полку было убито 48 офицеровъ и 360 солдатъ, а ранено 84 офицера и болѣе 900 солдатъ. Я былъ раненъ, получилъ двѣ контузіи, и подо мною убито двѣ лошади. Офиціальнѣй бюллетень объ этой битвѣ составленъ неправильно. Въ немъ говорится, что убито 7 генераловъ, но ихъ убито 15, а ранено 37, изъ которыхъ 10 умерло. Конечно, русскія потери были больше, но мы лишились убитыми и ранеными отъ 29.000 до 30.000 человекъ».

Кромѣ указанной уже ошибки, Наполеонъ, по словамъ Дедема, долженъ былъ съ самаго начала двинуть правое крыло въ обходъ русской арміи, что не было сдѣлано, за отсутствіемъ картъ и точныхъ свѣдѣній о мѣстности. Наконецъ вмѣсто того, чтобы послѣ сраженія преслѣдовать русскій корпусъ, направившійся на Калужскую дорогу, и отрѣзать его, Наполеонъ пошелъ за Кутузовымъ въ Москву, «сгорая нетерпѣніемъ подписать московскіе декреты о театрѣ французской комедіи, какъ саркастически замѣчаетъ голландецъ, хотя вся армія знала, что русскіе покинутъ свою столицу и сожгутъ ее». Но не одинъ Наполеонъ дѣлалъ ошибки; благодаря безумному легкомыслію Мюрата, при наступленіи на Москву, ежедневно гибли въ стычкахъ съ казаками для занятія лучшаго ночлега вице-королю десятки храбрыхъ солдатъ; въ дѣлѣ при Оминскомъ или Крымскомъ бродѣ русскіе уничтожали цѣлые батальоны въ бригадѣ Дедема, окруживъ ихъ въ лѣсу въ количествѣ 4.000 человекъ, тогда какъ русскихъ, по словамъ Дедема, было до 10.000 человекъ. «Даву,—прибавляетъ онъ,—сформировавъ лучшія войска во всей арміи, не могъ хладнокровно видѣть, что ихъ губить безо всякой пользы человекъ, который не имѣлъ никакихъ другихъ талантовъ, кромѣ безумной смѣлости, и позволялъ себѣ всевозможныя

глупости, потому что онъ былъ зятемъ императора. Они поссорились изъ-за дѣла при Фоминскомъ бродѣ въ присутствіи императора, и Даву горько упрекалъ Мюрата, что онъ бесполезно жертвовалъ лучшими во всей арміи дивизіями и скрываетъ отъ императора громадность своихъ потерь, какъ, напримѣръ, при Валутиніи погибла, благодаря ему, почти вся дивизія Гендена вмѣстѣ съ ея генераломъ, а предъ тѣмъ, какъ Наполеонъ посѣтилъ поле сраженія, онъ велѣлъ раздѣть убитыхъ французовъ, чтобы императоръ принялъ ихъ за русскихъ».

Какъ бы то ни было, 14 сентября французы подошли къ Москвѣ. Впереди была бригада Дедема, передъ которой скакали въ числѣ развѣдчиковъ, по своему обыкновенію, Мюратъ, видѣвшійся издали и своимъ и непріятелямъ, благодаря высокому бѣлому плюмажу и зеленой шубѣ съ золотыми шнурами. Давъ нѣсколько выстрѣловъ, русскіе прекратили огонь, и распространился слухъ, что открыты переговоры. Адъютантъ императора генералъ Нарбонъ на возвратномъ пути отъ Мюрата къ Наполеону попался на встрѣчу Дедему и сказалъ ему: «Все кончено, русскіе покидаютъ Москву и предлагаютъ городъ французскому великодушію». Вскорѣ послѣ того нагналъ авангардъ императоръ въ каретѣ и, подозвавъ Дедема, произнесъ: «Будьте наготовѣ всѣ, еще не кончено». «Я видѣлъ ясно, — говоритъ голландецъ, — что онъ былъ очень задумчивъ; очевидно вѣсть, привезенная Нарбономъ, не казалась ему столь счастливою, какъ его адъютанту. Можетъ быть, ему не нравилась та радость, которая была на лицахъ всѣхъ солдатъ въ виду распространившейся вѣсти о мирныхъ переговорахъ».

У деревяннаго моста черезъ Москву рѣку французы остановились, чрезъ нѣсколько времени бригадѣ Дедема было приказано вступить въ Кремль, гдѣ заперлась, по слухамъ, мѣстная милиція и стрѣляла изъ амбразуръ городскихъ стѣнъ. Но одного залпа картечью было достаточно, чтобы очистить Кремль, и французы двинулись далѣе въ городъ. «Мюрата окружили казачіе генералы, явившіеся парламентарями, — рассказываетъ Дедемъ, — и осыпали его самыми лестными отзывами объ его храбрости. Онъ думалъ, что русскіе его не узнали, но атаманъ сказалъ ему: «Я васъ давно знаю, ваше величество, вы — король Неаполитанскій; я васъ вижу ежедневно съ самаго Нѣмана, и между нами только одно различіе: вы первый идете впередъ, а я послѣдній отступаю». Послѣ этого онъ выразилъ желаніе получить что нибудь отъ Мюрата на память, и тотъ далъ ему свои великолѣпные часы, прибавивъ, что онъ надѣется скорѣе пожаловать ему и орденъ. Тутъ разговоръ перешелъ на вопросъ о мирѣ, и русскіе откровенно сказали: «Вы на насъ напали, нангъ императоръ былъ другомъ вашего. Зачѣмъ вы объявили намъ войну? Мы хотимъ мира, но его теперь трудно заключить; однако будемъ надѣяться, что мы скоро станемъ друзьями».

На вопросъ у одного офицера, казавшагося знатной особой, находился ли въ арміи Александръ, онъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, и мы не желаемъ, чтобы онъ пріѣзжалъ». Пройдя весь городъ и достигнувъ Владимирскихъ воротъ, казацкіе генералы просили Мюрата не идти далѣе. «Мы отдали вамъ городъ, ваше величество, сказали они, но если вы сдѣлаете еще шагъ, то мы возьмемъ васъ въ плѣнъ». Однако авангардные начальники заключили перемиріе, которое, впрочемъ, не могло связать рукъ императорамъ. Вслѣдствіе этого Дедежъ подѣлился съ казаками добычей его солдатъ, именно цѣлымъ стадомъ прекрасныхъ быковъ. Они были очень рады, такъ какъ не имѣли провизіи на ужинъ, но, по выраженію Дедема, на ихъ лицахъ играла ироническая улыбка, какъ бы обнаруживавшая твердое намѣреніе отомстить за взятіе Москвы.

Дѣйствительно, спустя нѣсколько часовъ, раздался взрывъ порохового погреба, и это былъ какъ бы сигналъ къ поджогу всей Москвы. Огонь показался съ различныхъ сторонъ. «Какъ только я убѣдился, что насъ хотятъ сжарить въ Москвѣ, — говоритъ Дедежъ, — я тотчасъ отправился за городъ, за Владимирскія ворота, гдѣ стояла на бивуакъ моя дивизія, и поселился на мельницѣ, гдѣ не было опасности сгорѣть. Надо было быть слѣпымъ, чтобы не видѣть въ этихъ пожарахъ доказательства борьбы на смерть. Такимъ образомъ подтверждалось все, что я слышалъ въ январѣ мѣсяцѣ въ Ростокѣ и Висмарѣ о намѣреніи русскихъ заманить насъ внутрь страны и все сжечь на нашемъ пути. Но пожаръ Москвы особенно издали представлялъ страшное, но величественное зрѣлище. Это было громадное огненное море, по которому бѣжали во всѣ стороны гонимые вѣтромъ, пылающіе валы. Однако я не могу сказать, что пожаръ Смоленска произвелъ на меня болѣе поразительное и поэтическое впечатлѣніе. Тамъ огонь съ неимоверною силой вырывался снопами изъ высокихъ башенъ городскихъ стѣнъ и напоминалъ сожженіе Иліума, столь величественно описанное Виргиліемъ. Многие обвиняли Наполеона за то, что онъ съ восторгомъ описывалъ эту катастрофу въ одномъ изъ своихъ бюллетеней. Но онъ не могъ себя упрекать въ этомъ, и еслибы отъ него зависѣло, то онъ сохранилъ бы Москву не для русскихъ, а для себя. Съ какой бы стороны ни смотрѣть на московскіе пожары и признавать ли ихъ результатомъ патриотическаго подъема или взрывомъ безпомощной мести, во всякомъ случаѣ они не могли имѣть никакого вліянія на судьбу нашей арміи».

Несмотря на пожары, Москва, по словамъ голландскаго барона, была такъ богата всевозможными запасами, что можно было заново одѣть всю французскую армію, снабдить ее надолго продовольствіемъ и прокормить двадцать тысячъ лошадей въ продолженіе полугода. Но провіантская часть французской арміи была такъ плохо устроена, что не приняты были никакія мѣры для правильнаго рас-

предбленія найденныхъ въ Москвѣ запасовъ, и армія нуждалась во всемъ, тогда какъ солдаты безъ удержа грабили всевозможныя сокровища. Пожары также не помѣшали Наполеону оставаться если не въ Москвѣ, то въ Петровскомъ дворцѣ, что было новой и главнѣйшей его ошибкой. «Послушавшись маршала Даву и предпринявъ походъ на Москву, Наполеонъ,—говоритъ Дедемъ,—совершилъ большую неосторожность, но запереться въ Москвѣ было непростительною ошибкой, которая погубила безвозвратно французскую армію. Оставаться тамъ на зиму было невозможно, такъ какъ армія Кутузова быстро увеличивалась, корпусъ Чичагова грозилъ отбѣжать отъ Польши, и вообще страна, лежавшая за нами до границы, была далеко не покорена. Мюратъ предлагалъ тотчасъ по вступленіи въ Москву отправиться со своимъ корпусомъ въ 45.000 человекъ на Петербургъ, тогда какъ остальная армія будетъ удерживать натискъ Кутузова. Это было продолженіе наступательной войны, но этотъ проектъ могъ удался, на осуществленіе его потребовалось бы только двадцать пять дней, и врядъ ли бы Александръ позволилъ сжечь свою вторую столицу. Но Наполеонъ боялся дождей и дурныхъ дорогъ, а потому планъ Мюрата былъ отклоненъ. Ней предлагалъ отдохнуть въ Москвѣ недѣлю и быстро ретироваться на Смоленскъ. Это былъ самый мудрый и лучший способъ выйти изъ затруднительнаго положенія, но противъ него возражали, что придется идти по дорогѣ, гдѣ все выжжено, и нѣтъ возможности добыть фуража. Снова былъ принятъ совѣтъ Даву дать новое генеральное сраженіе русскимъ, сжечь Тулу и Калугу и броситься на Украину. Этотъ планъ былъ блестящій и казался возможнымъ, но надо было не медлить въ его исполненіи».

Дѣло же именно заключалось въ томъ, что Наполеонъ былъ такъ разочарованъ въ своемъ ожиданіи немедленнаго предложенія мира со стороны русскихъ, что колебался, медлить и забывался, благодаря игрѣ въ карты, подписа различныя ненужныя декреты и разрѣшенія французскимъ предствленіямъ, которыя по его приказанію устраивала дирекрися французскаго театра въ Москвѣ, г-жа Вурез. Хотя Дедемъ рѣзко винитъ Наполеона въ его непростительномъ безконечномъ пребываніи въ Москвѣ, но считаетъ, что еще болѣе были виноваты окружающія его лица, не находившіяся на высотѣ своего положенія. Первый совѣтникъ императора, Бертье, становился слишкомъ старъ, а вся его «лапочка», т. е. главная квартира, была изъ рукъ вонъ плоха. Голландецъ рассказываетъ любопытную сцену, происшедшую между нимъ и Бертье въ Кремлѣ. Онъ явился къ нему съ жалобами на дурное обращеніе французской арміи съ иностранными генералами и офицерами, а герцогъ Невшательскій гордо отвѣчалъ ему: «если вы недовольны, то можете всѣ уходить». На это Дедемъ отвѣчалъ: «Теперь не время намъ уходить, или вамъ предлагать намъ это, и я сомнѣваюсь, что»

бы императоръ далъ вамъ такое порученіе, но я не скрою отъ васъ, что какъ я, такъ и всѣ тѣ, отъ имени которыхъ я говорю съ вами, недовольны тѣмъ, что мы въ теперешнемъ положеніи». Наконецъ министры не осмѣливались говорить императору правды, и если онъ такъ долго промедлилъ въ Москвѣ, то главнымъ образомъ потому, что не знали о перемѣнѣ, происшедшей въ Петербургѣ. «Отъ него скрыли, что въ послѣдніе три мѣсяца,—говорить Дедезь,—судьбами Россіи руководилъ не Александръ, на слабохарактерность и дружбу котораго Наполеонъ рассчитывалъ, а сложный конгломератъ принца Шведскаго, барона Штейна, г-жи Сталь, самолюбиваго Кутузова и арміи, поддержанныхъ англійскими субсидіями».

Очень интересенъ рассказъ Дедема о неудачѣ его плана войти въ мирные переговоры лично съ Кутузовымъ помимо Александра. Собственно планъ принадлежалъ не ему, а найденному имъ въ Москвѣ французскому эмигранту, полковнику д'Ореру, котораго онъ встрѣтилъ на улицѣ съ старою матерью, женою и дѣтьми въ самомъ ужасномъ положеніи и пріютилъ у себя. Этотъ эмигрантъ былъ друженъ съ Кутузовымъ и предложилъ свое посредничество для переговоровъ. «Миръ, сказалъ онъ Дедему, зависитъ отъ арміи, а не отъ императора Александра. Вся нація заставила его назначить Кутузова главнокомандующимъ. Вы знали его въ Константинополѣ, и вамъ хорошо извѣстно, что это эгоистичный, самолюбивый человѣкъ. Я могу васъ увѣрить, что онъ принялъ начальство надъ арміей, чтобъ отомстить за пораженіе подъ Аустерлицемъ, которое Александръ неправильно приписываетъ ему. Онъ проигралъ битву при Бородинѣ и, быть можетъ, жаждетъ славы примирителя двухъ могущественныхъ державъ. Я знаю его интимно и берусь съѣздить къ нему, съ цѣлью подготовить почву для переговоровъ». Дедезь передалъ его слова гр. Дарю, а тотъ Наполеону, который на слѣдующій день послалъ Лористона къ Кутузову, но съ письмомъ къ Александру. Онъ не былъ уже генераломъ Бонапарте, который переговаривался о мирѣ съ эрцгерцогомъ Карломъ, главнокомандующимъ австрійской арміи, и считалъ, что вступленіе въ переговоры съ кѣмъ бы то ни было, кромѣ императора, компрометируетъ его императорскій санъ. Впрочемъ, два года спустя, д'Ореръ въ Парижѣ чистосердечно признался Дедему, что его планъ не удался бы, такъ какъ, увидавъ Кутузова по уходѣ французовъ изъ Москвы, онъ узналъ отъ него, что русскій главнокомандующій не согласился бы на миръ послѣ взятія Москвы, но еслибъ Наполеонъ предложилъ ему миръ вслѣдъ за Бородинской битвой, то онъ принялъ бы его, чтобъ спасти священный городъ.

19-го октября Наполеонъ покинулъ наконецъ Москву, и Дедезь тогда состоялъ при императорской главной квартирѣ, въ виду раны и болѣзни, не позволявшихъ ему принимать участія въ сраженіяхъ,

хотя въ битвѣ подъ Малоарсланцею онъ два раза бѣдиль на поле сраженія съ приказаніями императора. По его словамъ, оно было проиграно французами потому, что часть арміи принца Евгенія опоздала на часть, но во всякомъ случаѣ Наполеонъ могъ на другой день разбить Кутузова или взять Калугу, которую Кутузовъ считалъ погибшей. «Если же этого не случилось, замѣчаетъ Дедемъ, то потому, что счастье покинуло Наполеона; онъ не имѣлъ правильныхъ свѣдѣній о положеніи русской арміи, и его обычная смѣлость замѣнилась роковой нерѣшительностью». Французская армія повернула назадъ и стала отступать къ Смоленску, но въ первое время этого рокового отступленія Наполеонъ, по словамъ безпристрастнаго голландца, былъ на высотѣ своего положенія. Онъ назначилъ Нея начальникомъ арьергарда и написалъ ему подробную инструкцію, въ которой предвидѣлъ всѣ преграды и въ особенности указывалъ на постоянныя стычки съ казаками, а когда онъ послалъ Дедема съ такой же инструкціей на словахъ къ принцу Евгенію и Даву, то, сообщая ему лично свои распоряженія, онъ вдругъ остановился и сказалъ, обращаясь къ Бертье: «Но его вѣздугъ остановился и сказалъ, обращаясь къ Бертье: «Но его вѣздумуть». Эти слова были произнесены тономъ игрока въ шахматы, который видя, что игра потеряна, оканчиваетъ ее изъ честности, думая: «до слѣдующей».

«Я долженъ отдать справедливость этому человѣку, долготѣ избалованному судьбой,—говоритъ Дедемъ,—и не знавшему большихъ неудачъ; онъ былъ спокоенъ и не выражалъ ни гнѣва, ни отчаянія; я думалъ, что онъ будетъ великъ въ несчастіи, и примирился съ нимъ потому, что я не любилъ его. Онъ навлекъ бѣдствія на мою родину; его обращеніе съ королемъ прусскимъ меня возмутило; его поведеніе относительно Мадридскаго двора возбуждало во мнѣ отвращеніе; во время Бородинской битвы онъ показался мнѣ ужасно равнодушнымъ и сточичнымъ; при входѣ въ Москву я видѣлъ его разгнѣваннымъ, словно его застигли врасплохъ, а въ Москвѣ онъ дозволилъ самымъ апатичнымъ, смѣшнымъ образомъ себя провести, но теперь я видѣлъ въ немъ человѣка, который сознаетъ грозившія ему бѣдствія и всю трудность своего положенія, но не падастъ духомъ и говоритъ себѣ: «Это—пораженіе, и надо уходить, но меня еще увидятъ». Узкіе умы и слабыя души стануть нападать на Наполеона за то, что онъ ни въ грошъ не ставилъ тысячи людей, которыхъ приносилъ въ жертву своему самолюбію и называлъ нушечнымъ мясомъ. Но надо брать во вниманіе ту роль, которую ему, повидимому, предоставило Providѣніе, и тѣ, кто читали по-философски «Комментаріи Цезаря», «Жизнь Александра Великаго» и исторію войнъ Тамерлана, Людовика XIV и Фридриха Великаго, могутъ видѣть въ Наполеонѣ только завоевателя, человѣка, дошедшего, благодаря одному себѣ, до апогея величія и неожиданно предвидящаго крушеніе воздвиг-

нutoй имъ могущественной имперіи на радость его личныхъ враговъ. Они не признаютъ въ немъ ни мягкаго сердца, ни мужественной благородной души, но должны согласиться, что онъ обладаетъ умомъ, созданнымъ, чтобъ повелѣвать, и многими качествами, характеризующими великаго человѣка. Я пишу для исторіи и описываю факты въ томъ видѣ, въ какомъ они мнѣ представлялись; я не стараюсь услужить никакой партіи и жду не награды отъ сильныхъ міра сего, а одобренія людей справедливыхъ и безпристрастныхъ».

До Смоленска французская армія еще кое-какъ держалась, и главное бѣдствіе заключалось въ томъ, что лошади не были подкованы на шипахъ и падали на каждомъ шагу. Благодаря этому, кавалерія и артилерія были въ самомъ жалкомъ положеніи, несмотря на то, что провіанта еще хватало. Приходилось даже бросать орудія, которыхъ такимъ образомъ было потеряно до восьмисотъ. Недовольство и инсубординація въ рядахъ арміи начались съ генераловъ, а потомъ перешли на офицеровъ и солдатъ. Самъ Наполеонъ говорилъ: «свыше девяти градусовъ мороза я не могу найти ни одного генерала на своемъ посту». Солдаты долго не роптали и шли молча, насупивъ брови; если же подъ конецъ они стали нарушать дисциплину и дерзко обращаться съ офицерами, даже съ высшими начальниками, то Дедему никогда не слыхалъ, чтобы они бранили императора, который былъ виною всего. Лишь нѣсколько разъ солдаты старой гвардіи позволяли себѣ говорить при немъ: «ахъ, Моро лучше бы велъ насъ!» Самъ Наполеонъ обнаруживалъ большее недовольство, чѣмъ вся его армія, особенно получивъ извѣстіе изъ Парижа о заговорѣ генерала Малэ, который хотя и не удался, но доказалъ всю шаткость созданной имъ имперіи. Онъ выходилъ изъ себя, сердился на всѣхъ, въ особенности на Даву и говорилъ генералу Красинскому, называя очень видныхъ личностей: «я перестрѣлялъ бы ихъ всѣхъ, еслибы смѣлъ». Что касается до генерала Дедема, то онъ первую часть отступленія изъ Россіи совершилъ очень удобно и даже роскошно. Благодаря тому, что онъ былъ раненъ и боленъ, а главное своей предусмотрительности въ Москвѣ, онъ ѣхалъ въ коляскѣ, а за нимъ слѣдовали фургонъ и телѣга со всѣми дорожными и кухонными принадлежностями. Захвативъ изъ Москвы большой запасъ съѣстныхъ припасовъ и вина, онъ не только самъ шелъ и ѣлъ на славу, но кормилъ и поилъ своихъ пріятелей. Однако за Дорогобужемъ коляска Дедема была сломана вдребезги артиллерійскими орудіями, и ему пришлось ѣхать верхомъ.

Въ Смоленскѣ Дедему серьезно занемогъ и оправился, только благодаря заботливымъ ухаживаніямъ графа Дарю, который приютилъ его у себя. Несмотря на то, что тутъ исчезли послѣднія надежды на зимовку въ Смоленскѣ, и со всѣхъ сторонъ получались

самыя грозныя вѣсти о дѣйствіяхъ русскихъ, рѣшившихся окружить французскую армію съ цѣлью истребить ее до послѣдняго человѣка, Дедемъ не унывалъ и выступилъ изъ Смоленска вмѣстѣ съ главною квартирою императора, хотя ему пришлось итти пѣшкомъ, благодаря потерѣ всѣхъ его верховыхъ лошадей. Но все-таки у него оставались фургоны и кухонная телѣга до битвы подъ Краснымъ, гдѣ они попались въ руки казаковъ. Со Смоленска собственно начались всѣ ужасы французскаго отступленія: дорога была усыяна мертвыми и умирающими, брошенными орудіями и сломанными повозками. «Особенно было плачевно зрѣлище женщинъ и дѣтей, говорить Дедемъ. Что касается мужчинъ, то они подвергались обычнымъ превратностямъ войны, и мы не первые представляли армію, сдѣлавшуюся жертвой безумнаго самолюбія и суроваго климата, но женщины, которыя слѣдовали за нами, одиѣ по нѣжнымъ чувствамъ, а другія изъ страха къ русскимъ, должны были бы возбуждать больше сожалѣнія, чѣмъ имъ выказывали. Я видѣлъ высокопоставленныхъ генераловъ и офицеровъ, которые бросали милыхъ, интересныхъ женщинъ, а напротивъ женщины во многихъ случаяхъ окружали любовью и заботою мужчинъ въ самыхъ ужасныхъ и критическихъ обстоятельствахъ. Такъ, когда я лишился всѣхъ своихъ съѣстныхъ припасовъ, то одна маркитантка гусарскаго полка кормила меня въ продолженіе нѣсколькихъ дней, а жена Наполеоновскаго кучера часто приносила мнѣ ужинъ и даже вино. Въ Москвѣ я взялъ въ качествѣ конюха молодого мальчика, который потомъ служилъ мнѣ кучеромъ и удивлялъ всѣхъ своей расторопностью, а также храбростью во время фуражировокъ, когда со всѣхъ сторонъ нападали казаки. Только въ Смоленскѣ и то благодаря оплеухѣ, которую я далъ ему въ минуту нетерпѣнія, мальчикъ расплакался и объяснилъ мнѣ, что онъ пятнадцати-лѣтняя дѣвочка, бѣжавшая изъ родительскаго дома съ артиллерійскимъ офицеромъ, убитымъ при Бородинѣ. Ея родители были люди состоятельные, и она получила хорошее воспитаніе, но отличалась особымъ пристрастіемъ къ лошадямъ, чѣмъ и объясняется ея кучерское искусство. Хотя она очень ловко скрывала свой полъ, но мы могли бы отгадать его въ Москвѣ, гдѣ она собирала разныя женскія тряпки подъ предлогомъ отвезти ихъ маленькой сестрѣ, жившей въ Силезіи. Послѣ открытія ею своей тайны всѣ обращались съ нею, насколько возможно любезно, и она слѣдовала за мною всюду верхомъ до перехода черезъ Березину, гдѣ она пропала, и съ тѣхъ поръ я не имѣлъ о ней свѣдѣній. Когда я потерялъ подъ Краснымъ свой фургонъ и телѣгу, то никто изъ окружавшихъ меня лицъ не подумалъ счастья что нибудь, только она принесла мнѣ съ торжествомъ вырванныя у казаковъ эпилеты, бутылку рома, сахаръ и кофе».

Въ битвѣ подь Краснымъ Дедемъ сопровождалъ Наполеона, и, по его словамъ, русскіе такъ тѣснили со всѣхъ сторонъ, умиравшую отъ голода и холода, французскую армію, что, казалось, наступилъ ей послѣдній часъ, и если были спасены ея остатки, то она этимъ обязана удивительному мужеству Нея. Въ Дубровкѣ нашлись значительные запасы продовольствія, и хотя при раздачѣ ихъ существовалъ большой беспорядокъ, такъ какъ нѣкоторымъ полкамъ досталось слишкомъ много, а другимъ слишкомъ мало, но все-таки Наполеонъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы реорганизовать гвардію. Онъ даже вышелъ изъ Дубровки пѣшкомъ среди солдатъ и всячески пытался съ помощью маршала Дюрока и генераловъ поддержать дисциплину. Но всѣ усилія были тщетны. Разложеніе арміи было полное, и Наполеонъ понялъ, что единственное ея спасеніе заключалось въ недостаткѣ смѣлости у русскаго главнокомандующаго. Впрочемъ, по словамъ Дедема, Кутузовъ изъ личной политики не преслѣдовалъ энергично французовъ и далъ имъ возможность перейти Днѣпръ у Орши по двумъ наскоро поставленнымъ деревяннымъ мостамъ. Онъ прямо говорилъ: «Этого урока имъ довольно, и они болѣе не вернуться, — необходимо ихъ выгнать изъ Россіи, но не надо уничтожать французской арміи, это было бы услугою ихъ и нашимъ врагамъ». Какъ извѣстно, Кутузовъ былъ ярый ненавистникъ Англій и пламенный сторонникъ франко-русскаго союза.

Въ Дубровкѣ сформировался изъ генераловъ и полковниковъ, сохранившихъ своихъ лошадей и не имѣвшихъ опредѣленныхъ командъ, такъ называемый священный эскадронъ для охраны императора, но зависть скорѣе поселила рознь среди этихъ избранныхъ тѣлохранителей, и еще до Березины священный эскадронъ совершенно разсѣялся. О самомъ переходѣ черезъ Березину и такъ же о событіяхъ, предшествовавшихъ и слѣдовавшихъ за тѣмъ, Дедемъ рассказываетъ нѣсколько интересныхъ подробностей. 22 ноября онъ слышалъ, какъ Бертье сказалъ какому-то офицеру: «мы отрѣзаны со всѣхъ сторонъ», а вечеромъ видѣлъ, какъ графъ Дарю сжегъ всѣ бумаги императора, даже самыя секретныя. Его секретарь между прочимъ показалъ ему какой-то документъ, хранившійся въ красивомъ эмалевомъ ларцѣ, и сказалъ: «Копія этого трактата нѣтъ и въ Парижѣ», но министръ отвѣчалъ: «Все равно, жгите». Потомъ Дарю сказалъ Дедему, когда они остались вдвоемъ: «Завтрашній день рѣшитъ нашу судьбу; быть можетъ, я не увижу болѣе ни Франціи, ни моей жены, ни дѣтей. Что касается до васъ, то вы иностранецъ и имѣете большія связи въ Россіи и Пруссіи, а потому васъ, конечно, отпустятъ на свободу, а меня ждетъ участь графа Питера (министра Карла XII, взятаго въ плѣнъ подь Полтавой и сосланнаго въ Сибирь), и я умру въ Сибири».

«На другой день, приближаясь къ Борисову», рассказывает Дедемъ, «я увидаль Наполеона, который, сидя въ каретѣ, диктоваль Бертье съ удивительнымъ хладнокровіемъ, хотя лицо у него было задумчиво. Признаюсь, я не могъ удержаться отъ восторженнаго удивленія. Потомъ онъ приказаль генералу Красинскому послать поляка къ мѣстнымъ крестьянамъ размѣрить бродъ. Ему было приказано выстрѣлить изъ пистолета, если можно безопасно перейти черезъ бродъ. Въ ожиданіи этого сигнала, Наполеонъ вышелъ изъ кареты и грѣлся у разведеннаго огня, разговаривая съ нами. Наконецъ онъ вышелъ изъ тертія и скомандоваль: «На коней!» Мы отправились къ городу, а потомъ узнали, что полякъ упалъ въ воду, вымочилъ свой пистолетъ и не могъ выстрѣлить. Достигнувъ предмѣстья Борисова, мы заняли его, и хотя русскіе могли насъ съечь живьемъ, но они оставили насъ въ покоѣ. Въ 8 часовъ вечера императоръ перебрался въ Студянку, а тамъ по его распоряженію всю ночь наводили мосты черезъ Березину, гдѣ Карлъ XII перешель эту рѣку при вступленіи въ Россію. На слѣдующій день произошло нѣсколько стычекъ на берегахъ рѣки, во время которыхъ убитъ молодой графъ Нуаль и ранены маршалъ герцогъ Реджіо и генералы Лэгранъ, Домбровский и Жираръ, но ихъ кровь была пролита въ защиту чести французскаго оружія и спасенія тысячъ жертвъ. Гораздо печальнѣе была судьба безчисленныхъ солдатъ и офицеровъ, которые погибли въ волнахъ Березины, или подъ колесами орудій и копытами лошадей. Воспоминаніе объ этой роковой катастрофѣ наполняетъ сердце ужасомъ, и я никогда не забуду, что видѣлъ въ этотъ несчастный день. Безпорядокъ былъ такъ великъ, что Бертье приказаль перешедшей уже черезъ рѣку дивизіи вернуться обратно, что причинило незамѣнимую потерю времени. Что касается меня, то я одинъ изъ первыхъ перешель черезъ мостъ, думая, что императоръ уже на той сторонѣ, и хотѣлъ отправиться въ Вильну, такъ какъ получилъ объ этомъ письменное приказаніе еще въ Смоленскѣ. Но оказалось, что императоръ не переправлялся черезъ рѣку, и я пустился обратно черезъ мостъ, но по дорогѣ встрѣтилъ знакомаго генерала, который узнавъ, въ чемъ дѣло, сказалъ: «Да вы съ ума сошли, разыскивая императора. Еслибы я попалъ на ту сторону, то ни за что не вернулся бы». Я подумаль и послѣдовалъ этому благому совѣту. Дѣйствительно переходъ черезъ мостъ становился все задруднительнѣе, и въ общей свалкѣ пропаль мой конюхъ-женщина».

Очутившись на противоположномъ берегу, Дедемъ поскакаль верхомъ, такъ какъ въ Оршѣ ему удалось купить двѣ лошади. Его дѣлью было какъ можно скорѣе достигнуть Вильны, куда онъ добрался то верхомъ, то въ саняхъ, 30 ноября. Тамъ никто не имѣлъ понятія о несчастномъ положеніи французской арміи, и генераль-

губернаторъ, графъ Гогендорпъ, не хотѣлъ вѣрить печальнымъ разсказамъ перваго вѣстника катастрофы. Онъ увѣрялъ, что армія будетъ зимовать въ Вильнѣ, и что у него готово продовольствіе на сто тысячъ человѣкъ. Герцогъ Бассано менѣе предавался иллюзіямъ и легко повѣрилъ роковой истинѣ, но просилъ Дедема никому объ этомъ не разсказывать. Дѣйствительно въ Вильнѣ шли своимъ чередомъ блестящія празднества, и 1-го декабря былъ концертъ у герцога Бассано, а на другой день балъ у генерала Гогендорпа. Хотя такая комедія казалась Дедему непристойною, но онъ отправился на балъ, чтобы увидать знакомыхъ. Онъ былъ тогда такой больной и изнуренный, что вокругъ его польскія дамы спрашивали: «Кто этотъ движущійся скелетъ?» Спустя четыре дня, явился въ Вильну Наполеонъ, но онъ пробылъ тамъ лишь нѣсколько часовъ. «Когда узнали, что онъ передалъ начальство надъ арміей Мюрату и уѣхалъ въ Парижъ», разсказываетъ голландецъ, «то поднялся общій крикъ негодованія. Самые спокойные и умѣренные люди выходили изъ себя; еслибы кто нибудь нашелъ въ себѣ достаточно мужества, чтобы провозгласить низложеніе императора, то всѣ признали бы этотъ фактъ. Но надо быть справедливымъ; присутствіе императора въ арміи тогда не могло принести никакой пользы, а напротивъ его пріѣздъ въ Парижъ былъ въ интересахъ его самого, имперіи и въ особенности тѣхъ, кому были дороги плоды революціи. Еслибы въ это время герцогъ Орлеанскій показался во Франціи, то, по всей вѣроятности, его посадили бы на престолъ, но это значило бы возбудить кровопролитныя междоусобія. Роялисты, конечно, стояли бы за Бурбоновъ, но ихъ партія была такъ немногочисленна, и они такъ отстали отъ вѣка, что могли бы лишь произвести смуту. Маршалы, безъ всякаго сомнѣнія, раздѣлились бы во мнѣніяхъ, но они тогда и слышать не хотѣли о Бурбонахъ. Единственнымъ средствомъ мирно отдѣлаться отъ Наполеона было провозгласить императоромъ его сына, сдѣлать регентшей императрицу и просить австро-прусскаго посредничества для заключенія мира. Быть можетъ, люди съ сильной волей уже подумывали объ этомъ, но императоръ, быстро отправившись въ Парижъ, уничтожилъ почву подъ ихъ ногами. Признаюсь, что еслибы въ Вильнѣ онъ спросилъ моего совѣта, то я сказалъ бы ему: «уѣзжайте, какъ можно скорѣе».

Дедемъ выѣхалъ изъ Вильны въ хорошей коляскѣ, которую ему далъ герцогъ Бассано, но въ такомъ больномъ, изнуренномъ видѣ, что никто не ожидаетъ благополучнаго окончанія этого путешествія, и курьеру, посланному съ нимъ, было поручено въ случаѣ смерти похоронить его и, взявъ свидѣтельство отъ мѣстнаго начальства, отослать семью. Однако дѣло обошлось вполне счастливо, и въ Варшавѣ онъ настолько оправился, что могъ ѣхать дальше въ Берлинъ, гдѣ хотѣлъ серьезно лѣчиться. Полученный при-

казь отъ Мюрата, однако, заставилъ его поѣхать въ Эльбингъ. Передъ отъѣздомъ онъ увидѣлъ Шварценберга, начальника австрійскаго корпуса, и тотъ сообщилъ ему о своей рѣшимости не сражаться болѣе съ русскими и о намѣреніи послѣднихъ завлечь въ западню у Кенигсберга Мюрата, который хотѣлъ атаковать ихъ, тоже сдѣлать съ принцемъ Евгеніемъ въ Маріенвердерѣ и взять Торнъ, гдѣ Даву не могъ держаться. Съ такими важными извѣстіями Дедезь отправился къ этимъ тремъ военачальникамъ. Даву, узнавъ, въ чемъ дѣло, тотчасъ принялъ мѣры для защиты отъ внезапнаго нападенія и послалъ депешу объ этомъ Наполеону. Принцъ Евгений, несмотря на любезный пріемъ, прямо объявилъ Дедему, что привезенная имъ вѣсть о приближеніи русскихъ просто пелѣна, а, спустя два дня, казаки напали на него врасплохъ, и онъ едва успѣлъ спастись бѣгствомъ. Что касается до Мюрата, то онъ даже не сталъ слушать Дедема и требовалъ, чтобы тотъ взялъ дивизію съ цѣлю принять участіе въ его наступательномъ движеніи. Только извѣстіе, что казаки показались на дорогѣ въ Маріенбургъ, заставило его послѣднѣе отступить, а затѣмъ, бросивъ армію, уѣхать въ Неаполь. Его мѣсто занялъ принцъ Евгений, который столь же мало, какъ Мюратъ, былъ великимъ полководцемъ или великимъ государственнымъ человѣкомъ. Видя общее разложеніе арміи или, какъ онъ выражается, «полный безпорядокъ въ лавочкѣ», Дедезь уѣхалъ въ Берлинъ, а оттуда въ началѣ 1813 года въ Парижъ.

Во Францію онъ вернулся въ самое мрачное и печальное настроеніе. Все, что онъ слышалъ и видѣлъ въ Германіи, убѣждало его, что Наполеонъ, пропустивъ случай подписать миръ при проѣздѣ чрезъ Дрезденъ по совѣту берлинскаго и вѣнскаго кабинетовъ, навлекъ окончательную гибель на себя и свою страну. По собраннымъ свѣдѣніямъ, Дедезь предсказывалъ, что Австрія и Пруссія примкнутъ къ Россіи, но никто не хотѣлъ его слушать, и Наполеонъ до такой степени былъ убѣжденъ въ успѣхъ своей новой кампаніи въ Германіи, что даже велѣлъ тайно сказать берлинскому и мюнхенскому дворамъ, что онъ не будетъ сердиться на нихъ, если они сочтутъ себя вынужденными объявить ему войну, если только въ своихъ манифестахъ ничего не скажутъ неприятнаго ни о его священной особѣ. По словамъ Дедема, одинъ благоразумный прозорливый человѣкъ говорилъ ему въ мартѣ 1813 года: «всѣ сошли съ ума и погубятъ себя и Францію; вы увидите, что Бурбоны вернутся на свой престолъ».

Какъ бы то ни было, Дедему пришлось по выздоровленіи снова поступить на дѣйствительную военную службу и организовать бригаду подъ начальствомъ маршала Нея. Эта бригада существовала только на бумагѣ, но онъ такъ энергично принялся за дѣло, что черезъ два мѣсяца она уже покрыла себя славою въ битвѣ подъ Люценомъ. Разсказъ его объ этомъ сраженіи очень характеренъ.

Узнавъ наканунѣ о томъ, что вся прусская армія въ шестьдесятъ тысячъ человѣкъ расположилась бивуакомъ противъ той дивизіи, къ которой принадлежала его бригада, Дедемъ послалъ сказать объ этомъ императору, но тотъ заявилъ посланному адъютанту: «Вашъ генераль дуракъ, скажите ему, что непріятель у Лейпцига, куда я отправляюсь, и тамъ произойдетъ битва, а вашъ генераль пусть не беспокоится и стоитъ твердо». Однако Дедемъ принялъ всѣ необходимыя мѣры, чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ, и дѣйствительно на разсвѣтѣ густыя непріятельскія массы двинулись на французскую дивизію, и на нее посыпался дождь ядеръ. Немедленно послали предупредить объ этомъ маршала Нея, который было отправился за императоромъ по дорогѣ въ Лейпцигъ, и онъ прискакалъ, сломя голову. Остановившись передъ бригадой Дедема, онъ посмотрѣлъ въ зрительную трубу и тотчасъ послалъ своего адъютанта къ императору, который не хотѣлъ вѣрить, что это столкновение съ непріятелемъ серіознѣе простой рекогносцировки. «Скажите ему,—произнесъ онъ,—что это дѣйствительно битва и такая, какой онъ еще не видалъ». Получивъ это извѣстіе, Наполеонъ въ свою очередь немедленно прискакалъ и помѣстился на возвышеніи за дивизіей, которая между тѣмъ геройски отражала всѣ натиски непріятеля. Бой былъ самый ожесточенный: маршалъ Ней былъ раненъ въ ногу, но продолжалъ командовать, а дивизионный генераль Жираръ, два раза раненый и весь въ крови, продолжалъ сражаться во главѣ своихъ гренадеръ, пока третья смертельная рана не заставила его передать команду Дедему. До конца битвы послѣдній руководилъ всѣми дѣйствіями дивизіи и побѣдоносно отражалъ всѣ кавалерійскія атаки пруссаковъ, хотя подъ конецъ у него не осталось болѣе снарядовъ, и ему пришлось отослать свою артиллерию назадъ и защищаться одними штыками. Наконецъ императоръ позвалъ его, и онъ явился передъ нимъ весь въ крови отъ двухъ лошадей, убитыхъ подъ нимъ. Наполеонъ спросилъ прежде всего, раненъ ли онъ, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, приказалъ во что бы то ни стало удержать занимаемую дивизіей позицію, при чемъ обѣщалъ пустить въ дѣло молодую гвардію. Но оказалось, что эти новички не бросились на непріятеля съ должнымъ пыломъ, и тогда Наполеонъ самъ повелъ ихъ въ огонь съ громкимъ крикомъ: «Каждому предопредѣлено, сколько жить; если пришелъ часъ смерти, всѣ умремъ: вперед!» Когда побѣда была одержана, то Наполеонъ подѣхалъ къ Дедему и сказалъ: «У васъ молодцы, генераль; такое войско надо беречь». Дедемъ просилъ награды для оставшихся въ живыхъ офицеровъ, и Наполеонъ отвѣтилъ: «Сколько бы вы ни просили, никогда не будетъ достаточно».

Дѣйствительно всѣ офицеры получили по награждѣ, кто чинъ, кто орденъ Почетнаго Легіона. Только одинъ Дедемъ ничего не получилъ. Маршалъ Ней былъ такъ доволенъ его поведеніемъ, что

на полѣ битвы сказалъ: «Вы, генераль, фактически дивизионный командиръ, и вы оказали слишкомъ большія услуги, чтобы императоръ не утвердилъ вашего назначенія». На слѣдующій день онъ въ приказѣ къ своему корпусу назвалъ дивизию Дедема его именемъ, но Наполеонъ обидѣлся, что Ней предупредилъ его, и, холодно сказавъ: «Съ которыхъ поръ мои маршалы назначаютъ дивизионныхъ командировъ?» вычеркнулъ имя Дедема изъ списка наградъ. Последній въ свою очередь такъ оскорбился, что хотѣлъ подать въ отставку, но маршалъ Ней его отговорилъ. «Въ сущности меня болѣе оскорбили, чѣмъ васъ,—сказалъ онъ,—если я не могъ настоять на томъ, чтобы вамъ оказали справедливость, то, вѣрьте мнѣ, васъ уважаетъ вся армія, а это важнѣе милости Берье, который тутъ приложилъ свою руку, и даже самого императора. Служите, какъ вы служили до сихъ поръ, и наконецъ придется признать, что вамъ сдѣлали несправедливость. Къ тому же, я вамъ предназначаю идти съ авангардомъ на Берлинъ, а вы знаете, сколько нужно благоразумія и твердости, чтобы исполнить такое деликатное порученіе. Я вполне довѣряю вамъ». Но движеніе на Берлинъ было отменено, такъ какъ, по словамъ Дедема, Наполеонъ получилъ извѣстіе, что пруссаки рѣшились по примѣру русскихъ съжечь свою столицу, а онъ не хотѣлъ получить славу второго Аттилы, истребителя столицъ.

Впрочемъ, благодаря своей искусной тактикѣ, Наполеонъ одержалъ большій успѣхъ, чѣмъ было бы взятіе Берлина, именно обошелъ правое крыло неприятельской арміи и разбилъ ее при Бауценѣ. Это сраженіе было выиграно, благодаря энергичной поддержкѣ, оказанной маршаламъ Несемъ центру арміи, которому приходилось очень жутко отъ напора русскихъ, хотя имъ командовалъ самъ Наполеонъ. Бригада Дедема снова покрыла себя славой, и по его замѣчанію: «хотя артиллерія этой бригады болѣе дѣлала шуму, чѣмъ приносила пользы, однако она испугала русскаго императора, который, боясь не безъ основанія, что его обойдутъ, приказалъ всей арміи отступить». Наполеонъ продолжалъ преслѣдовать неприятеля до Горлица, гдѣ маршалъ Дюрокъ былъ смертельно раненъ. Потеря этого вѣрнаго друга, товарища по школѣ и сподвижника въ египетской экспедиціи очень подѣйствовала на Наполеона. О смерти Дюрока рассказываютъ различно, и Дедемъ приводитъ два варианта. По одному, Дюрокъ, прощаясь съ императоромъ, совѣтовалъ ему подумать о спокойствіи и заключить миръ, а по другому, увидавъ Наполеона, умирающей произнесъ: «ради Бога уходите и дайте мнѣ умереть мирно».

Въ окрестностяхъ Горлица Наполеонъ произвелъ торжественный смотръ всѣмъ своимъ войскамъ. «Солдаты, упоенные недавними побѣдами, говоритъ Дедемъ, встрѣтили его съ необычайнымъ восторгомъ, и крики: «да здравствуетъ императоръ», не умолкали. Онъ тогда пережилъ славную минуту, и еслибы сумѣлъ воспользоваться ею, то вся Франція привѣтствовала бы его, какъ полубога. Онъ смылъ

съ французской арміи нанесенное ей въ Россіи униженіе, доставилъ своимъ орламъ снова побѣду, и Европа была попрежнему у его ногъ. Еслибы онъ тогда заключилъ миръ, то французскій народъ обожалъ бы его». Но дѣло именно заключалось въ томъ, что Наполеонъ не хотѣлъ мира и послѣ непродолжительнаго перемирія продолжалъ войну. Подъ Дрезденомъ онъ одержалъ еще одну побѣду, но въ ней не принялъ участія Дедемпъ, такъ какъ онъ былъ назначенъ командиромъ общаго депо всей арміи. Этотъ постъ былъ не блестящій, но очень отвѣтственный и полезный. Дедемпъ энергично принялся за дѣло и сформировалъ много баталіоновъ, которыми комплектовалъ рѣдѣвшіе полки. Когда же Наполеонъ покинулъ Дрезденъ, гдѣ находилось депо, главная квартира забыла совершенно о Дедемпѣ и оставившихся у него 1.600 солдатъ, то онъ поспѣшилъ съ ними въ Лейпцигъ, гдѣ Наполеонъ приготовился къ своей послѣдней битвѣ въ Германіи, Бертье встрѣтилъ его очень нелюбезно и упрекнулъ въ томъ, что онъ покинулъ свой постъ безъ приказанія. Но императоръ узнавъ, въ чемъ дѣло, сказалъ съ негодованіемъ, обращаясь къ Бертье: «Зачѣмъ вы набросились на него? Ему лучше здѣсь сражаться, чѣмъ сидѣть въ Дрезденѣ. Въдѣтѣхъ, которые остались тамъ, мы больше не увидимъ». Во второй день Лейпцигской битвы Наполеонъ лично поручилъ Дедему вести въ огонь одну изъ дивизій молодой гвардіи и указалъ ему на селеніе Штотерницъ, которое было отбито у русскихъ.

Послѣ окончательнаго пораженія Наполеона въ третій день Лейпцигской битвы, Дедемпъ принялъ еще участіе въ побѣдѣ надъ баварцами при Ганау, а затѣмъ отправился въ Парижъ, гдѣ былъ назначенъ въ корпусъ генерала Себастьяни, дѣйствовавшій противъ возставшей Голландіи. Но онъ отказался и объяснилъ въ письмѣ къ императору, что не можетъ сражаться противъ своей родины. Прочитавъ письмо, Наполеонъ сказалъ: «Онъ правъ, онъ поступаетъ, какъ честный человекъ; спросить его, куда онъ хочетъ — въ Испанію или Италію?» Дедемпъ выбралъ послѣднюю, и 9 января 1814 года онъ отправился къ своему новому назначенію.

Дальнѣйшія страницы мемуаровъ Дедема уже не имѣютъ большого интереса, особенно для насъ, русскихъ, и потому мы только упомянемъ, что онъ командовалъ на рѣкѣ По дивизіей французской арміи, боролся съ австрійцами до паденія Наполеона, а затѣмъ привелъ обратно свои войска во Францію и предложилъ свои услуги новому голландскому королю, а пока медлили его назначеніемъ, онъ жилъ въ Парижѣ, откуда перебрался въ Гаагу, при первомъ слухѣ о возвращеніи Наполеона. На этомъ и кончаются его мемуары, но издательница ихъ кратко сообщаетъ о послѣдующихъ событіяхъ его жизни. Не поладивъ съ голландскимъ правительствомъ, онъ вернулся въ Парижъ во время реставраціи и, снова поступивъ во французскую армію съ чиномъ генераль-лейтенанта,

состоялъ сначала инспекторомъ пѣхоты въ департаментѣ Юры, а затѣмъ командиромъ шестой дивизіи. Но ему не по сердцу были Бурбоны, которые, по его словамъ, хотѣли царствовать не для народа и народовъ, а для одной партіи и этою партіей, которая безъ способностей и силы пыталась вернуть страну на сто лѣтъ назадъ. Онъ считалъ, что народы слишкомъ стали просвѣщены, и особенно французскій сталъ слишкомъ понимать свою силу и свои природныя права, чтобы позволить распоряжаться собою, какъ стадомъ барановъ, собственникомъ которыхъ состоялъ король, а пастухами министры». Съ такими идеями, побуждавшими его предвидѣть вторую революцію, Дедемъ не могъ ужиться съ бурбонской реакціей. Онъ снова вышелъ въ отставку и провелъ послѣдніе годы своей жизни частнымъ человѣкомъ въ Парижѣ. Онъ никогда не былъ женатъ, и все его родство ограничивалось сестрой, бывшей замужемъ за барономъ Кнобельсдорфомъ, прусскимъ посланникомъ въ Константинополь, и отцемъ, который умеръ въ 1820 году. Наслѣдовавъ послѣ него титулъ графа, Дедемъ недолго его пережилъ и, предпринявъ путешествіе въ Италію въ 1825 году, умеръ въ Тосканѣ на 51 году своей жизни. Спустя годъ, его останки перевезены въ Голландію и похоронены въ семейномъ Гельдерскомъ замкѣ.

В. Т.

